Состояние сельского модерна в современной Индии[1]

Рецензия на книгу: Jena S. Agrarian Modernity and Development in India: Postcolonial Rurality. Cambridge Scholars Publishing, 2024.

А. А. Куракин

Александр Александрович Куракин, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: chto-delat@yandex.ru

EDN: WWDHLV

На сегодняшний момент Индия является одной из крупнейших экономик мира и чрезвычайно важной страной в международных отношениях. Однако, несмотря на это, Индия накопила целый ряд новых внутренних проблем и не избавилась от многих старых. Вопрос сельского развития является одним из таких наболевших вопросов. Книга Шибсанкара Джены «Аграрный модерн и развитие в Индии: постколониальная сельская местность» продолжает традицию критического анализа процесса модернизации и капиталистического развития в странах бывшего колониального мира.

Прежде всего, нужно понимать, что Индия до сих пор является страной сельской, т.к. большая часть ее населения проживает в сельской местности. Разумеется, здесь существуют определенные неточности в статистике, которая недостаточно учитывает развитие малых городов внутри провинциальной Индии[2]. Однако, несмотря на это, по разнообразным оценкам, можно смело утверждать, что уровень урбанизации Индии еще явно невысокий относительно развитых стран, а сельская местность характеризуется значительным количеством жителей, которых мы можем отнести к традиционному крестьянству. Следовательно, аграрный вопрос в его классическом понимании хорошо применим к современной Индии. Ключевым его моментом оказывается дискурс модернизации сельского хозяйства и села в целом. В марксистском понимании мо-

1. Работа осуществлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

2. Middle India and Urban-Rural Development: Four Decades of Change / B. Harris-White (ed.). Springer, 2016.

дернизация связана не только с переходом на новые технологии, но и со сменой традиционной модели сельского хозяйства и сельской жизни на модель капиталистического способа производства и общественных отношений.

Автор монографии отмечает, что про модернизацию сельской Индии опубликовано уже довольно много исследований, однако большинство из них либо сугубо экономические, либо политико-экономические. Поэтому Джена сетует на то, что из виду часто упускается культурная составляющая в определении и переопределении аграрного модерна и аграрного капитализма. В своем исследовании он закрывает этот пробел, анализируя аграрный вопрос и изменение способа производства (в марксистском понимании данного термина) с социологической точки зрения, беря в расчет культуру и социальный статус как две ключевые переменные.

Главный тезис автора состоит в том, что социальный статус и культура совокупно определяют значение и престиж крестьянина/фермера и фермерской деятельности в индийском обществе. Культурно-статусные соображения влияют на самоопределение, понимание аграрного модерна и в конечном счете мотивацию сельских жителей к сельскохозяйственной занятости. Соответственно, в центр исследования автор поместил взаимоотношения и взаимовлияния между культурным самоопределением крестьянина, социальным статусом, демонстрируемым через управление впечатлениями, производимыми на окружающих, и множественными аграрными дискурсами на фоне изменяющегося способа производства в постколониальной сельской Индии.

Эти на первый взгляд абстрактные выводы автор делает на основе эмпирического исследования социальной жизни отдельно взятой индийской деревни. В качестве кейс-стади выбрано поселение Мерибахал округа Балангир штата Одиша на востоке Индии. Разумеется, Индия является большой страной во всех смыслах: территориальном, климатическом, демографическом, культурном, религиозном, экономическом, социальном и всех прочих. Поэтому данное поселение следует рассматривать в качестве модельного для засушливых восточных регионов Индии.

Аграрную модернизацию и аграрное развитие в Индии автор рассматривает как продукт взаимодействия трех составляющих индийского общества, а социально-экономические изменения в сельской Индии — через призму данной триады: 1) аграрный модернизационный дискурс, определяющий государственную аграрную политику; 2) социальная структура сельских сообществ Индии, определяющая социальный статус крестьянина; 3) сельская культура, формирующая самоопределение крестьянина и крестьянского труда.

Первым элементом этой триады является государственно-политическая составляющая, в которой формируется аграрный дискурс и государственная аграрная политика. Именно этот дискурс

определяет модернизационные проекты в сельской Индии. В свой постколониальный период Индия вошла под флагом идеологии государственного девелопментализма и «высокого модернизма»[3]. Применительно к сельскому хозяйству это означало производить больше с использованием достижений науки и технологий. За это время в Индии произошла «зеленая революция», повысившая производительность сельского хозяйства, была фаза государственных программ поддержки сельского хозяйства, и, наконец, неолиберально-рыночная стадия государственной политики. Общим для всех этих этапов была центральная роль государства как главного агента модернизации.

Помимо общенационального аграрного дискурса и модернизационного проектирования, существует и локально-культурный уровень сельской Индии, т.е. того объекта, на который и направлен этот модернизационный порыв. Здесь вступают в дело социокультурные особенности традиционного индийского общества, которые при столкновении с глобальным модернизационным проектом превращают его в ряд локальных или альтернативных модернизмов[4]. Автор и прослеживает социокультурные основания сельской Индии на примере локального сельского сообщества деревни Мерибахал.

Одной из широко известных особенностей индийского общества является ее кастовая система. Может показаться, что это уже пережиток прошлого, который существует только номинально, как многие монархии в европейских странах. Однако это далеко не так. Касты до сих пор влияют на социальную стратификацию и социальные взаимоотношения в индийском обществе, хотя и не так интенсивно, как это было в эпоху расцвета кастовой системы.

В аграрных сообществах Индии касты обычно определяются как своего рода сословные группы, границы которых обуславливаются происхождением (родословной), родом деятельности (профессией) и территорией. Касты выстроены в иерархический порядок согласно ритуальным представлениям о «чистом» и «грязном». Внутри каждой касты существуют свои обычаи на разные случаи жизни, а также мифологические представления об истории происхождения своей касты. На первый план стоит поставить обычаи относительно трудовой деятельности (профессии) и вступления в брак. Традиционно представитель касты был ограничен в выборе профессии (выбирал среди подобающих занятий для данной касты) и должен был

3. *Скотт Дж.* (2005). Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты по улучшению условий человеческой жизни. М.: Университетская книга.

4. *Appadurai A.* (1991). Global ethnoscapes: Notes and queries for a transnational anthropology // Recapturing Anthropology / R. G. Fox (ed.). Santa Fe: School of American Research Press; *Shivaramakrishnan S., Agrawal A.* (2003). Regional Modernities: The Cultural Politics of Development in India. Stanford: Stanford University Press.

вступать в брак только с представителем своей касты (кастовая эндогамия). И если в современной Индии выбор профессии стал менее подвержен влиянию касты (хотя все еще существует), то влияние касты на брачное поведение остается еще значительным.

Как в колониальный период, так и в постколониальное время власти (сначала британские, затем индийские) старались реформировать традиционную социальную структуру сельских сообществ в Индии, однако кастовая система оказалась довольно устойчивой и смогла пережить многочисленные государственные реформы. Хотя было бы неверным сказать, что в современной сельской Индии касты функционируют точно так же, как и в далеком прошлом, но они (особенно в сельской Индии) остаются ключевым принципом социальной стратификации. В экономическом плане принадлежность к касте определяет набор прав и доступ к земле и другим ресурсам. Главенствующие касты до сих пор являются основной силой в экономических и политических вопросах. Например, члены главной землевладельческой касты получили наибольшую выгоду от первой волны «зеленой революции» в сельском хозяйстве Индии. Именно из членов этой касты образовался класс фермеров-предпринимателей[5]. Такая аккумуляция ресурсов и возможностей в руках главенствующих каст происходит не только на макроуровне, но и на уровне отдельной деревни. Чем выше каста, тем больше альтернативных ресурсов она способна привлекать в своих интересах.

На кастовую структуру накладывается еще и этническое (племенное) разнообразие. В совокупности эти два фактора образуют кастово-племенную структуру локального сельского сообщества. Например, в деревне Мерибахал насчитывается более 38 каст и этнических групп (племен), некоторые из них составляют значительную часть населения деревни (18 или 15%), а некоторые составляют доли процента. Сюда добавляется еще и языковое разнообразие, хотя некоторые племена деревни являются билингвами и общим языком является ория. Эта кастово-племенная структура не навязана сверху, она глубоко укоренена в сознании местного населения, так что каждый житель деревни может сказать, к какой касте или племени он принадлежит, а также представляет, какие касты являются выше или ниже его собственной в социальной иерархии.

Каждая каста и племя деревни образуют собственное сообщество, которое диктует своим членам правила поведения, включая брачные и родственные отношения, различные ритуалы по случаю рождения, смерти и т.п. В сообществе обычно есть позиции главы, секретаря и казначея. Такие сообщества на уровне отдельного поселения образуют сетевые связи с аналогичными сообществами других поселений в регионе. Более того, существуют пе-

5. *Vasavi A. R.* (2012). Shadow Space: Suicides and the Predicament of Rural India. New Delhi: Three Essays Collective.

риодические собрания кастовых сообществ на районном уровне и даже выше, куда каждое локальное кастовое сообщество отправляет своих представителей. Эти собрания проходят попеременно в одной из деревень района (обычно раз в год). На этих собраниях решаются как внутренние вопросы жизни сообществ, так и вопросы взаимоотношения с государственными органами и отстаивания своих интересов.

Кастово-племенная социальная структура деревни не означает закрытость этих социальных образований друг от друга. Отношения дружбы и соседства существуют поперек кастовых и племенных границ. Такие личные связи оказываются особенно важными в кризисные периоды: смерть кормильца семьи, засуха, финансовые проблемы и т.п.

В гендерном отношении кастово-племенные сообщества деревни являются традиционно патриархатными. Разделение труда носит четкий гендерный характер: есть мужские и женские занятия. В принятии решений доминируют мужчины. Женщины исключены из собраний этих сообществ. При этом сами женщины считают, что политика — это дело мужчин. Это справедливо по отношению ко всем кастовым и племенным сообществам деревни Мерибахал без исключения. Несмотря на то что главой муниципалитета в Мерибахале является женщина, она играет роль прокси-главы для своего мужа, который и принимает все решения[6]. Такая практика саботажа на местах попыток государства усилить положение женщин и низших каст и племен[7] является довольно распространенной в сельской Индии. Это яркий пример того, как традиционализм сопротивляется проектам модернизации.

Несмотря на то что кастовые и племенные границы не являются непроницаемыми барьерами, они все-таки сильно структурируют социальную жизнь деревни. В Мерибахале это четко выражено в пространственной организации домохозяйств. Домохозяйства, принадлежащие к одному кастовому или племенному сообществу, располагаются рядом друг с другом, образуя своего рода кастовый или племенной район, а расстояния между этими «районами» порой довольно значительны. Нередко кастовые «районы» отделены друг от друга сельскохозяйственными угодьями или лесными массивами. Сами представители кастовых сообществ дают такому раздельному расселению еще и социально-экономическое обоснование. Так как этот район Индии является засушливым, то плотное расселение представителей одной касты объясняется тем, что так легче переносить периоды засухи, когда домохозяйства активно распре-

6. Орган местного самоуправления в Индии называется панчаят, а глава панчаята сарпанч. Сарпанч — это выборная должность.

7. Такие касты и племена называются зарегистрированными.

деляют еду между собой, т.е. вовлечены в то, что Дж. Скотт называл моральной экономикой[8].

Подобная кластерная структура расселения внутри деревни характерна не только для Мерибахала, но и практически для всех остальных деревень этого региона Индии. Различные проекты модернизации в постколониальный период, реализуемые государством через различные программы развития, не разрушили этих кастово-племенных барьеров, но все-таки повлияли на культуру, сознание и поведение сельских жителей. Кастовые и племенные сообщества сельской Индии все больше становятся политическими сообществами, готовыми влиять в своих интересах на проводимые реформы. Традиционно высокая внутригрупповая солидарность была механизмом адаптации к периодическим засухам. Теперь же, создав плотную сеть между кастовыми сообществами на уровне района и выше, данные группы обрели возможность на политические действия.

Подобные плотные, порой «удушающие», внутригрупповые связи, с одной стороны, консервируют сельские сообщества и затрудняют реформирование сельской местности. С другой стороны, ослабление этих связей приводит к процессу «раскрестьянивания» и пауперизации наиболее уязвимых сельских домохозяйств в кризисные периоды, например, во время засух. Обычно процесс социальной дифференциации (или классового расслоения, если обсуждать этот процесс с марксистских позиций) связывают с развитием капиталистических отношений в традиционной сельской местности, т.е. используют исключительно экономический взгляд на общество. Однако изменения в социальных отношениях на микроуровне могут также сильно повлиять на этот процесс.

Помимо кастовой кластеризации деревня обладает еще и формальным статусом в государстве как единое поселение. Следовательно, в Мерибахале есть свой орган управления и публичная сфера со своими ресурсами. Однако и эта публичная сфера управляется на основе кастового принципа, в том смысле, что решения принимаются представителями господствующих каст или какой-либо одной касты. Управляющий орган (комитет) может состоять из представителей разных каст и племен, но, как правило, представители более низких каст ходят туда просто для того, чтобы послушать, но не повлиять на принимаемые решения. Тем не менее публичное пространство деревенского пруда, созданного для купания и запаса воды на случай засухи, стирает кастовую иерархию. Правда, гендерное разделение все же остается, т.к. пруд поделен на четыре угла, два из которых мужские, а два женские.

Доминирующие локальные касты оказывают сильное влияние

8. *Scott J.* (1976). The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven and London: Yale University Press.

на процессы модернизации в индийской деревне, так как именно доминирующие касты получили наибольшие преимущества от «зеленой революции». Во-первых, традиционный классовый подход в данном случае сталкивался с иной реальностью в виде кастовой структуры. Во-вторых, сами касты в результате модернизационных процессов стали приобретать черты классов. В-третьих, в разных районах могут доминировать разные касты. Доминирование определяется не только положением в общей иерархии каст, но и численностью той или иной касты в определенной местности. Следовательно, доминирование разных каст в различных локальностях усиливает разнообразие и неоднородность последствий модернизационных процессов. В итоге именно кастовая структура стала одной из главных причин фрагментации модернизационного проекта в сельской Индии.

Кроме того, модернизационные процессы стали менять имидж и самосознание традиционных доминирующих каст. Популярность приобретают такие понятия, как «класс собственников», «богатые крестьяне», «прогрессивные капиталистические фермеры», «капиталистические сельскохозяйственные предприниматели».

В Мерибахале доминирующая каста составляет 15% от населения и владеет половиной земель поселения[9]. Она активно вовлечена в коммерческое сельское хозяйство в виде производства хлопка из гибридных семян. Представители этой касты могут себе позволить расходы на гибридные семена и удобрения, т.к. имеют доступ к дешевым кредитам в банках и по государственным программам, реализуют ирригационные проекты государства в деревне, т.к. именно они контактируют с государственными агентами. Они обладают развитым социальным капиталом в виде связей на внешних рынках и в государственных учреждениях. Также и культурным капиталом в виде образа «хорошего фермера», которому с готовностью дают кредиты и осуществляют государственные программы в его интересах. «Хороший фермер» — это образ деловитого сельского предпринимателя, опирающегося на современные знания, опыт и организаторские способности вести прибыльный сельскохозяйственный бизнес. Этот образ транслируется не только вовне, но и оказывает деморализующее влияние внутри самой деревни, демотивируя представителей других каст даже участвовать в обсуждениях государственных программ в деревне. Кастовое доминирование приводит к процессу классовой дифференциации, раскрестьянивания и миграции представителей подчиненных каст в города в виде наемных работников.

«Зеленая революция» в сельском хозяйстве Индии и процессы коммерциализации сельскохозяйственных земель запустили клас-

9. Мы не будем здесь приводить названия каст и племен, чтобы не запутывать читателя подробностями, за которыми можно обратиться непосредственно к книге.

совую дифференциацию сельских сообществ[10]. Это, в частности, означает формирование класса наемных работников из числа мелких крестьян. В Индии этот процесс происходил и происходит под воздействием существующей кастовой структуры, когда группа наемных работников формируется преимущественно из числа представителей низших каст. В Мерибахале большинство семей из низших каст и племен в настоящее время полагаются исключительно на наемный труд и лишь немногие совмещают его с сельскохозяйственной занятостью на собственной земле. Расставание с крестьянским трудом вызвано недостаточностью финансовой поддержки для приобретения сельскохозяйственного оборудования и удобрений, отсутствием политических связей и изоляцией от политических процессов в поселении, в результате чего эти семьи остаются за бортом государственных программ и кредитных ресурсов. Господствующие касты, напротив, это все имеют и вытесняют остальных из сельскохозяйственной сферы. Все это происходит на фоне коммерциализации сельского хозяйства, что приводит к новым, более жестким, требованиям к эффективности и прибыльности производства. Наемный труд этих семей носит сезонный и во многом прекарный характер: в сельскохозяйственные сезоны они трудятся на фермах у господствующих землевладельцев, в другие периоды заняты на земляных работах, прокладке дорог, строительстве, в ремесленном производстве и т.п. В деревне распространена сезонная трудовая миграция.

Модернизационные процессы затрагивают не только традиционную кастово-племенную организацию сельской Индии, но и само сельскохозяйственное производство. В данном случае модернизация означает переход от традиционных форм земледелия к современному, капиталоемкому, высокопродуктивному и прибыльному коммерческому сельскому хозяйству. В Мерибахале символом таких перемен стал постепенный переход от выращивания зерновых к возделыванию хлопка как более коммерчески выгодной культуре. В «физическом» плане такой переход означал переоценку ценности имеющихся сельскохозяйственных земель, т.к. одни типы земель лучше подходят для хлопка, нежели другие. В ментальном плане эти изменения также означают перестройку традиционного крестьянского сознания на коммерческий лад.

И здесь автор антропологически подробно описывает, что представляет собой это традиционное крестьянское сознание жителей Мерибахала, которое призван изменить модернизационный проект[11]. Оно выражается в локальном знании, институтах и сельскохозяйственных практиках крестьян Мерибахала, которые вместе

10. *Jodhka S.* (2003). Agrarian structures and their transformations // Oxford India Companion to Sociology and Social Anthropology. Vol. 2 / ed. by Veena Das. New Delhi: Oxford University Press.
11. Мы не будем здесь подробно описывать содержание этого сознания.

составляют ту самую моральную экономику и этику выживания, описанную еще Скоттом[12]. Локальное знание, которое призвана заменить современная агрономия, состоит из наблюдений за закономерностями природы, которые можно использовать для получения хороших и, что даже более важно, стабильных урожаев. Различные типы земель получают свое локальное название, крестьяне хорошо понимают, для каких культур какая земля лучше подходит с поправкой на сезоны. К типам земель привязаны сельскохозяйственные культуры и разные типы севооборотов. Социальная категоризация времени также жестко привязана к сельскохозяйственным работам.

Особая важность придается явлениям дождя и засухи, т.к. Мерибахал находится в засушливом районе Индии, и все, что связано с водой, очень подробно отражено в крестьянском сознании жителей Мерибахала. Крестьяне различают семь типов дождей, в зависимости от того, когда те выпадают, и могут точно объяснить, для чего каждый тип дождя нужен. Соответственно, они стараются подгадать наиболее подходящую последовательность культур в севообороте в зависимости от того, выпал тот или иной тип дождя либо нет. Автор описывает различные ритуалы, связанные с сельскохозяйственными практиками, которые важны для жителей деревни вне зависимости от касты. Адаптация к засухам также является важной частью жизни крестьян Мерибахала. Она сильно укоренена в опыте, порой горьком, предыдущих поколений и коллективной памяти и закреплена в сельскохозяйственных практиках и местной мифологии. Например, голод 1899 года до сих пор присутствует в бытовом общении в виде присказок и поговорок. Локальное знание крестьян содержит точные инструкции по тому, что на каком типе земли сеять и в какой последовательности в ситуации засухи и голода.

Несмотря на кастово-племенные барьеры и порой непростые взаимоотношения между этими социальными группами, в Мерибахале традиционно существовала локальная солидарность на основе общего крестьянского труда и угрозы засухи и голода. Согласно принципам моральной экономики, в периоды голода сильные не давали слабым умереть. Эта традиционная локальная солидарность начала размываться в ходе процессов модернизации индийской деревни.

Модернизационный процесс в сельской Индии, изначально призванный гомогенизировать социально-экономическое пространство, породил различные формы сельского модерна, столкнувшись с локальным крестьянским сознанием, культурой и социальной структурой. Модернизация в виде триады науки, технологий и рынка

12. *Scott J.* (1976). The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven and London: Yale University Press.

призвана заместить собой традиционную сельскую агрономию и заодно перестроить социальную структуру индийской сельской местности. В случае Мерибахала это предполагает забвение традиционного крестьянского мастерства, продовольственного суверенитета и связанных с ним практик и переход на монокультуру хлопка, ориентированного целиком на внешний рынок. Переход на хлопок, прежде всего, приводит к переоценке качества земли, т.к. традиционно самый низкокачественный тип земли в Мерибахале лучше всего подходит для выращивания хлопка. Это привело к попыткам господствующих групп перераспределить землю в своих интересах, а также открыло возможности для низших слоев войти в коммерческое сельское хозяйство со своими наделами земли, которая прежде считалась бросовой. Проводятся попытки конвертировать ранее престижные типы земли в «хлопковый» земельный тип, а также получить «хлопковую» землю за счет вырубки леса. Традиционные ритуалы и практики, связанные с землей, теряют свою актуальность в новых условиях. Соответственно, вся социальная организация, выстроенная вокруг традиционного сельского хозяйства, также постепенно теряет свою функциональность.

В Мерибахале коммерциализация сельского хозяйства и переход на хлопок существенно поменяли традиционное крестьянское сознание и практики, особенно молодого поколения. Среди молодых крестьян занятие хлопком стало престижным и признаком высокого статуса. Однако у старшего поколения и малоземельных крестьян все еще сохраняется ориентация на избегание риска, поэтому они стараются сочетать занятие хлопком и выращивание традиционных культур, не переводя всю землю под хлопок и не меняя ее качества. Понимая свое невыгодное положение по сравнению с господствующими кастами (доступ к дешевым кредитам, семенам и удобрениям по выгодным ценам и т.п.), представители низших каст и племен рационально и критически относятся к внешнему давлению по переходу к коммерческому сельскому хозяйству, сознавая свои повышенные риски.

Кастово-племенные отношения также накладывают свой отпечаток на процессы модернизации. Если во многих регионах сельской Индии господствующие касты начали переориентироваться с сельского хозяйства на современные городские занятия, оставляя в сельской местности вакуум для других каст, то в Мерибахале такого не случилось. Господствующая каста стала переориентировать свое производство под коммерчески выгодный хлопок, используя свой обширный социальный и символический капитал для привлечения поддержки от государства и внешних коммерческих структур. Однако у нее неожиданно появился конкурент в виде одного из местных племен (низкого по статусу в иерархии, но многочисленного), тоже ставшего активно заниматься выращиванием хлопка. Представители этого племени исторически владели землей самого низкого качества, но она как раз и подходит лучше всего для

возделывания хлопка. Поэтому они стали объектом внимания хлопковых компаний и посредников, которые помогли им войти в этот бизнес. В итоге в Мерибахале появились два типа коммерчески ориентированных фермеров: один в лице традиционной господствующей касты, а другой — в лице маргинального племени. Автор образно называет первых «системными», а вторых «анархическими», в том смысле, что первые полагаются на систему своих социальных связей и общественное положение, а вторые — исключительно на нестабильные отношения с внешними рыночными агентами.

Перестройка принципов ведения сельского хозяйства на рыночно-ориентированный лад приводит к двум главным социальным последствиям. Во-первых, традиционная система избегания риска заменяется на систему, где риск является неотъемлемой ее частью. Автор называет это состояние чувством «онтологической незащищенности». Наиболее сильно это отражается на мелких и маргинальных крестьянских хозяйствах, которые могут не пережить даже одной неудачи в рамках такой системы. Неудивительно, что все это приводит к процессу раскрестьянивания в этих социальных группах. Во-вторых, в крестьянской среде распространяется неолиберальный принцип «сделай себя сам». Такая индивидуализация в рамках сельской среды приводит к сочетанию, с одной стороны, личных амбиций и стремлению показать себя другим, а с другой — к потере коллективной поддержки и аномии, что нередко приводит к печально известному феномену фермерских самоубийств[13].

Rural modernity in contemporary India

Book review: Jena S. (2024) Agrarian Modernity and Development in India: Postcolonial Rurality, Cambridge Scholars Publishing.

Alexander A. Kurakin, Senior Researcher, Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics. Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia. E-mail: chto-delat@yandex.ru

13. См. также: *Suthar S. K.* (2022). Dilapidation of the Rural: Development, Politics, and Farmer Suicides in India. London: Palgrave Macmillan.